

УДК 321

Багдасарян В.Э.*(г. Москва)*

РИСКИ И УГРОЗЫ СЕРВИСИЗАЦИИ РОССИИ В РАМКАХ ИДЕОЛОГЕМЫ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА¹

Аннотация. Статья представляет анализ рисков и угроз, связанных с реализацией в России программ государственного развития, основанных на теории постиндустриализма. Показана неадекватность теории «постиндустриального общества» мировым экономическим трендам. Концепт сервисизации России рассматривается в статье как «стратегическая ловушка». Прогнозируются кризисные последствия его применения в российских условиях.

Ключевые слова: постиндустриализм; сервисизация; деиндустриализация; национальная безопасность; «стратегические ловушки».

V. Bagdasariyan*(Moscow)*

RISKS AND THREATS OF SERVICIZING RUSSIA IN THE FRAME OF POST-INDUSTRIALIZIM

Abstract. The article presents the analysis of the risks and threats, which were associated with the implementation of programs in the Russian state development and based on the theory of post-industrialism. The inadequacy of the theory of «post-industrial society» to global economic trends is shown. The Concept of servicizing Russia is considered as a «strategic trap». The article predicts crisis consequences of applying this concept in the Russian context.

Key words: post-industrialism, servicizing, de-industrialization, national security, «strategic traps».

В связи с постановкой задач модернизации России особого осмысления требует феномен сервиса. С его развитием сегодня связываются перспективы грядущего мироустройства. Именно сервису отводится основная роль в утверждении модели постиндустриального общества. Сегодня идея о формировании нового типа общества – сервисного – прочно вошла в актуальный общественный дискурс. Смена технологических укладов, действительно, не может не привести к экономи-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2012-2014 гг.

ческому, социальному и даже культурному переустройству. Ощущение перемен находит преломление в различных футурологических концепциях. Наиболее популярной из них по-прежнему остаётся теория «постиндустриального общества».

Предположим, что Россия действительно изберёт постиндустриализм основным ориентиром своего стратегического целеполагания. Как отразится это на жизнеспособности страны? В представленном исследовании предпринимается попытка оценить риски и угрозы применения в России рецептуры постиндустриального развития и сервисизации.

Сервисное государство

Сервисную парадигму сейчас предлагается некоторыми адептами глобальной сервисизации взять за основу государственного реформирования. Главная идея заключается в утверждении принципа услуги как основного ориентира деятельности чиновника [15]. Но применимо ли это к специфическим условиям России?

В качестве преамбулы к рассмотрению проблем реформы государственного управления через призму сервиса целесообразно привести сопоставление ментальных различий двух моделей образования. Так, в рамках американской образовательной системы бинарная связка преподаватель—студент трактуется в качестве взаимоотношений агента и клиента. Идеология их коммуникационной зависимости, по существу, определяется условиями найма. На этой основе выстраивается концепция образовательного сервиса.

Восточная модель образования предполагает принципиально иной характер взаимоотношения субъектов процесса обучения. Преподаватель и студент в ней маркируются в качестве учителя и ученика. При такой идентификации на первый план выходят идейно-духовные основы обучения. Не студент нанимает преподавателя, а преподаватель выбирает себе достойного ученика. Какая модель лучше? — это вопрос аксиологических предпочтений. Но можно констатировать наличие парадигмальной инвариантности выстраивания образовательных систем.

То же в равной степени относится и к государственно-управленческому моделированию. Для современных западных сообществ характерна идеология сервисной модели государства. Институты государственной власти выступают в данном случае в качестве агентов, а граждане — клиентов. Однако такая модель противоречит всей традиции развития государственности в России. Неудача реформы государствен-

ного управления 2003 – 2004 гг. во многом объясняется экстраполяцией применительно к специфическим российским условиям элементов чужеродной управленческой системы.

Для России сервисная модель государственности функционально не подходит. Государство в ней не может ограничиваться функцией обслуживания граждан. На него исторически возлагается, в частности, задача развития промышленного и аграрного производства, которое на Западе переложено на плечи «третьего мира».

Идентификация государства в качестве агента соотносится с идеологическим полем теории общественного договора. Однако она, как известно, не исчерпывает существующее многообразие версий генезиса государственности (рис. 1) [11]. Теория общественного договора преломляется через вполне определённый социокультурный контекст развития западной цивилизации. Исторически она выстраивалась на основе протестантского и пантеистического мировоззренческих компонентов.

Православное понимание государственности с теорией общественного договора принципиально несочетаемо. В соответствии с традициями православия праведное государство строится не снизу вверх, а сверху вниз. Оно есть земная проекция Царствия Небесного. Боже-

Рис. 1. Религиозные парадигмы моделей государственности.
Сервисное государство как проекция протестантского религиозного типа

ственная харизма доводится через высшие институты государственной власти до низовых общин верующих. Православный государь (вообще христианский правитель) не может в принципе быть агентом.

Идеологеме сервисного государства противоречит и органическое понимание его в качестве «большой семьи». Агент-клиентные отношения для выстраивания семейных связей естественно неприменимы.

Идеология сервисного государства находится в резком диссонансе со всем историческим опытом развития государственности в России. Не социальные и технологические сдвиги вызывали в ней к жизни управленческие реформы, а сами реформы определяли вектор социальных и технологических инноваций. Государство являлось главным катализатором происходящих в обществе перемен. Поэтому функциональное назначение государственной власти в России принципиально иное, чем на Западе.

Принципы построения государства сервисного типа противоречат также социальной структуре российского общества. Общественная система в России сохраняет де-факто иерархическую природу, что не позволяет применить к ней идеологию моделирования сервисной государственности. Для иерархических сообществ модель государства-агента лишена смысла.

В России государственный чиновник есть начальник, но никак не агент. Отношения начальник – подчинённый составляют базовый принцип российского управленческого функционирования и имеют глубокие ментальные основы. Поэтому чтобы хотя бы гипотетически рассчитывать на успех реализации реформ по формированию в России государства сервисного типа, следует первоначально произвести инверсии на уровне менталитета.

Моральная привлекательность сервисной государственности также весьма сомнительна. Статус агента определяется вступлением его в отношения найма. Соответственно, и государство-агент также нанимаемо. Оно служит тому, кто платит. Такой подход таит в себе потенциальную угрозу для национальной безопасности. Феномен государственно-компрадорства в данном случае весьма вероятен.

Неуспех реформы 2003–2004 гг., как и других подражательных по своему характеру преобразований последних лет, таким образом, был предопределён. Задача управленческой оптимизации делает необходимым выработку для России собственной государственной идеологии, основанной на учёте специфичности её развития.

Сервисный концепт не применим в полной мере и к модели государственного управления, сложившегося в странах Запада. Функции

государства далеко не ограничиваются задачами оказания услуг населению. Оно не только реализует интересы социума, но и само ставит перед ним стратегические ориентиры, организует на свершения. Государство ведёт народ, а не только обслуживает его потребности. При необходимости оно даже прибегает к насилию. Понятно, что государственное принуждение под категорию государственных услуг не подпадает.

Сервис является важной сферой общественного бытия. Однако он не распространяем на всё бытие. Должны существовать естественные ограничители сервисизации, и в частности, к такого рода несервисизуемым нишам относится институт государства.

Роль государства в современной системе рыночной экономики не ограничивается сервисными компетенциями. Предполагается не просто эксцессное вмешательство в экономику при чрезвычайных ситуациях, а активное, пусть и опосредованное, управление экономическими процессами.

Традиционно с позиции экономической теории функции современного государства определяются следующим образом:

1. правовое обеспечение;
2. организация денежного обращения;
3. производство общественных благ;
4. минимизация транзакционных издержек эксплуатации экономической системы в целом;
5. антимонопольное регулирование и содействие развитию добросовестной конкуренции;
6. оптимизация влияний внешних факторов – снижение негативного эффекта и усиление позитивного воздействия согласно национальным политико-экономическим интересам;
7. перераспределение доходов в обществе;
8. поддержание оптимального уровня занятости;
9. проведение региональной политики выравнивания уровней жизни территорий;
10. реализация национальных интересов на международной арене [13].

Наличие регулирующей управленческой миссии государственной власти по отношению к рыночной экономике признается сегодня даже на уровне ведущих монетаристских структур мира. К ним, например, относится Всемирный банк, который в Отчёте о мировом развитии 1997 г. представил список неперенных функций государства в современных условиях экономического развития. В противоречии с концептом саморегулирующегося рынка определялись сферы, неподвластные

рыночным механизмам. Говорилось даже о видах противодействия стихийности рынка. Все это далеко не исчерпывается понятием «государственные услуги» (табл. 1) [4; 13; 24].

Таблица 1

Функции государства в условиях рыночной экономики

Функциональная степень сложности	Сферы неэффективности рыночной саморегуляции	Функции государства
I. Минимальные функции	Обеспечение общественной пользы	Оборона, законность и правопорядок
		Макроэкономическое управление Общественное здравоохранение
	Защита беднейших слоев населения	Программы по борьбе с нищетой Помощь пострадавшим от различных бедствий
II. Промежуточные функции средней степени сложности	Преодоление внешних эффектов	Начальное образование Защита окружающей среды
	Регулирование монополий	Коммунальная сфера Антимонопольная политика Регулирование полезности
	Преодоление факта, несовершенной информации	Страхование от неопределенности (здоровья, жизни, пенсионного обеспечения) Финансовое регулирование защита прав потребителей
III. Функции активного вмешательства	Обеспечение социального страхования	Перераспределение пенсий Семейные пособия Пособия по безработице
	Координирование частного сектора	Развитие рынка Координация инициатив
	Перераспределение	Перераспределение активов

Постиндустриальные тренды и экономический кризис: постиндустриализм как путь к катастрофе

Популяризация теории постиндустриального общества России имеет все основания, чтобы стать предметом изучения со стороны органов государственной безопасности. Постиндустриализм представля-

ет собой особого рода «стратегическую ловушку». Принятие его на вооружение в качестве ориентира государственного целеполагания может иметь самые разрушительные последствия. Практически – постиндустриализм означает разрушение связанного с отраслями реального производства фундамента экономики. Лишившись фундамента, дом неизбежно рухнет. При этом под его руинами окажутся погребены и отрасли сервисных направлений. Жизнь за счёт виртуальных сфер экономики, аккумулируемых в понятии сервис – опасная иллюзия. Кто будет против развития услуг связи? С ним, действительно, связываются сегодня перспективы инновационной динамики. Но связь без наличия материальных средств связи невозможна. А это значит, что она невозможна без соответствующего промышленного производства. В то же время субъекты выстраиваемых через каналы связи коммуникаций должны, как минимум, потреблять продовольствие. А это определяет необходимость наличия сельского хозяйства. Если будет демонтировано аграрное или индустриальное производство, исчезнет и функционально производный от них сервис. Исторически так и происходило. Многие из фиксируемых в истории цивилизационных и страновых катастроф соотносились с процессом сервисизации экономики. Данная реструктуризация определяла, в частности, эрозию древнеримской системы хозяйствования периода упадка. Образовавшиеся на осколках империи раннесредневековые варварские королевства вновь переориентировались от приростного развития сферы услуг к модели экономики аграрного типа.

Особого внимания применительно к идеологеме перехода к «постиндустриальному обществу» заслуживает тема глобальных экономических кризисов. Очередная волна депрессии поразила мировую экономику. Является ли постиндустриальная рецептура развития гарантией преодоления депрессивного состояния? Ввиду того, что кризис 2008 г. – далеко не первый в мировой истории, такое соотнесение целесообразно провести в ретроспективной проекции протекания кризисных процессов. Для рассмотрения было взято 28 кризисов двух последних столетий: 1825 г. (Англия), 1836–1837 гг. (Англия, США), 1847 г. (Европа, Северная Америка, Китай), 1857 г. (мировой), 1866 г. (Англия, Франция), 1873 г. (мировой), 1882 г. (Франция, США, Англия), 1890–1893 гг. (мировой), 1900–1903 гг. (мировой), 1907 г. (мировой), 1920 г. (мировой), 1929–1933 г. (мировой), 1937–1938 г. (мировой), 1948–1949 гг. (мировой), 1953–1954 гг. (мировой), 1957–1958 гг. (мировой), 1960–1961 гг. (США, Англия, Канада, Япония), 1966–1967 гг. (Западная Европа, Япония), 1973–1975 гг. (мировой), 1979–1982 гг. (мировой), 1990–1993 гг. (мировой), 1994–1995 гг. (Мексика, Аргентина), 1997 г. (Восточная

Азия), 1998 г. (Россия, некоторые страны Восточной Европы), 1999 г. (Бразилия), 2001–2002 гг. (США, некоторые западные страны), 2001–2002 (Аргентина), 2008–2010 гг. (мировой) [5]. Буквально говорить о теории «постиндустриального общества» применительно к контексту XIX, да и первой половины XX столетий, безусловно, некорректно. Однако само направление переориентации от товарно-производящих отраслей к третичному сектору экономики уже тогда являлось актуальным вызовом развития.

Вывод из проведённого анализа состоит в том, что постиндустриалистские ориентиры (и их исторические модификации) не только не выводят из состояния депрессии, но являются её непосредственной причиной. В большинстве рассматриваемых случаев кризисный процесс начинался именно в третичном, сервисном секторе. Детонирующий сбой происходил, прежде всего, в наиболее аккумулятивных по отношению к фиктивному капиталу отраслях торговой и финансовой деятельности. Каждый раз при реконструкции источников кризиса обнаруживается непомерно разросшаяся спекулятивная компонента экономики. Как раковая клетка, она поражала в итоге весь экономический организм, парализуя его основные функции. Спекулятивность, причём, могла выдаваться за инновационность. Образ инноваторов – двигателей прогресса примерялся, в частности, в XIX в. по отношению к колониальному купечеству.

Начавшись в третичном секторе экономики, кризис далее переходил на сферы реального производства. Глубина кризисного поражения определялась именно в этих отраслях. При всех рассматриваемых кризисах страдала в наибольшей степени сфера промышленности. Показатели её падения оказывались в отраслевом сопоставлении наивысшими. Напротив, в периоды подъёмов самые высокие темпы роста фиксировались в индустриальном производстве. Это лишний раз доказывает, что именно с состоянием промышленности связывается, прежде всего, общее экономическое и социальное благополучие. Промышленность выступала платформой экономики, на основе которой выстраивались сопутствующие сервисные ниши. Она являлась и продолжает являться своеобразным локомотивом экономического развития.

Иллюстративно выглядит соотнесение экономических кризисов с трансформацией структуры ВВП у лидера мировой системы капитализма – Соединенных Штатов Америки. Наиболее значительными, по своему разрушительному воздействию на американскую экономику, стали, как известно, кризисы 1920, 1929–1933, 1957–1958, 1960–1961, 1973–1975, 1979–1982 и 2008–2010 гг. Самым катастрофичным одно-

значно считается период «великой депрессии» 1929–1933 гг. Многие эксперты предрекают сегодня аналогичные по масштабу последствия современного кризисного периода. Наложение сетки кризисов на динамику удельного веса сферы услуг в американской экономике позволяет обнаружить устойчивую связь данных процессов. Кризисные ситуации выражались в структурной динамике падением доли промышленности и повышением сервиса. При этом рост совокупного ВВП находился в траектории понижения, указывая, тем самым, на парадигмальную роль индустриального производства. Наиболее стремительное возрастание удельного веса сервисных отраслей приходится на самый катастрофичный период – «великую депрессию». Процесс сервисизации прослеживается по американской экономике уже в 1920-е гг. «Великая депрессия» явилась логическим итогом данного тренда переструктуризации. Новый экономический подъём США, напротив, точно совпал с понижением доли сервиса и повышением индустриальной составляющей. Кризис 2008 г., как и кризис 1929 г., разразился после длительного периода долевого роста сервисного компонента американской экономики. Аналогии – очевидны (рис. 2) [27].

Закономерности, прослеживаемые по отношению к экономике США, подтверждаются и на статистических материалах других стран. В нашем распоряжении имеются, в частности, данные Б. Митчелла по доле сферы услуг в ВВП Канады. И вновь периоды кризисов совпадают

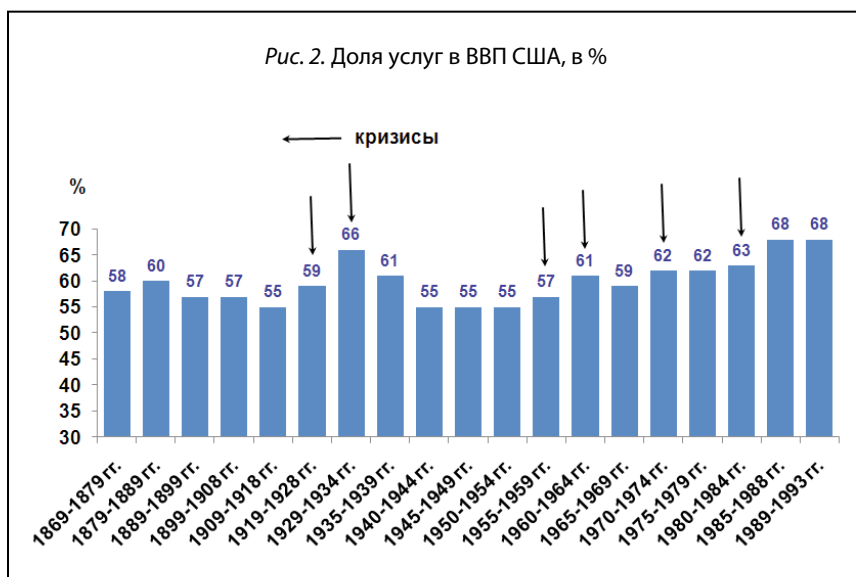
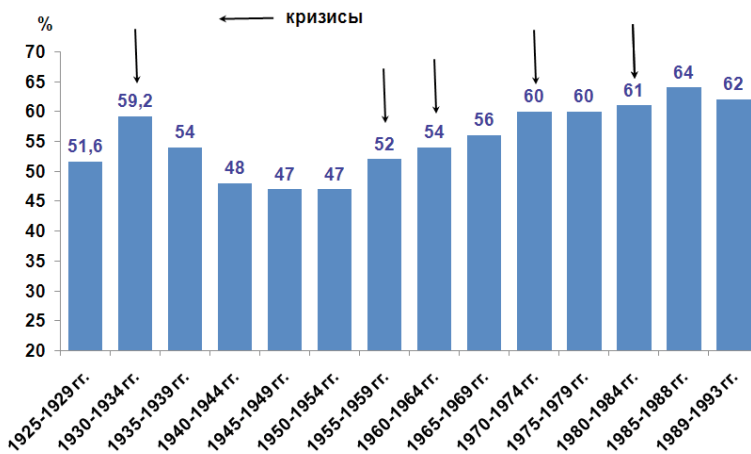

Рис. 3. Доля услуг в ВВП Канады, в %

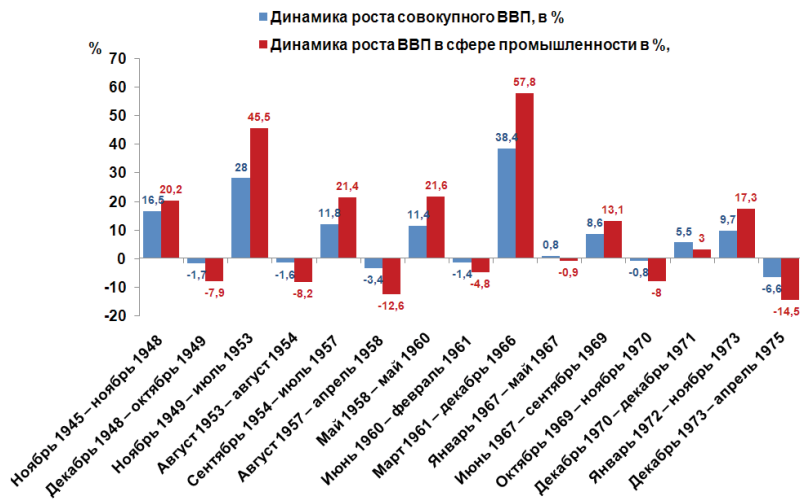
с динамикой сервисизации экономики. Три крупнейших для Канады кризиса первой половины 1930-х, 1957 и 1973 гг. точно соотносятся с катализацией долевого роста сервисного компонента (рис. 3) [27].

Аналогичные выводы следуют из анализа феномена американских кризисных циклов. Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные позволяют оценить факторное значение промышленности в подъемах и спадах экономики США. На стадиях падения совокупного американского ВВП спад промышленного производства был наиболее стремительным. Напротив, в фазах подъема прирост в сфере промышленности имел заметно опережающие по отношению к остальной экономике темпы (рис.4) [1].

Теория «постиндустриального общества» как «стратегическая ловушка» для России

Когда Д. Белл приступил в 1950-е гг. к разработке концепта «постиндустриального общества», ничто, казалось бы, не давало к тому оснований. Запад испытывал очередной индустриальный подъем. Гонка

Рис. 4. Соотношение динамики роста совокупного ВВП с динамикой роста ВВП в сфере промышленности в экономике США (1945-1975 гг.), в %

вооружений обуславливала приоритетность развития ВПК, а он был напрямую связан с соответствующими отраслями промышленности. Белловская футурологическая проекция не являлась производной от существующих экономических трендов [2; 25; 26].

Важна в данном случае констатация хронологической последовательности. Вначале выдвигается концепция постиндустриализма и только затем осуществляется видимая реструктуризация экономики Запада. Что это – гениальное предвидение? Возможно, и так. Но не менее вероятен проектный характер разрабатываемой теории. Новой геополитической реальностью на тот момент стал распад мировых колониальных систем. На карте мира одно за другим появлялись самоопределившиеся государства. Возникла реальная угроза потери Западом положения мировой метрополии. Тогда на смену колониализму приходит модернизированная модель неоколониального управления. Постиндустриализм и неоколониализм возникли фактически одновременно. Собственно, постиндустриальная теория и служила прикрытием неоколониальной практики. Она фактически обосновывала право

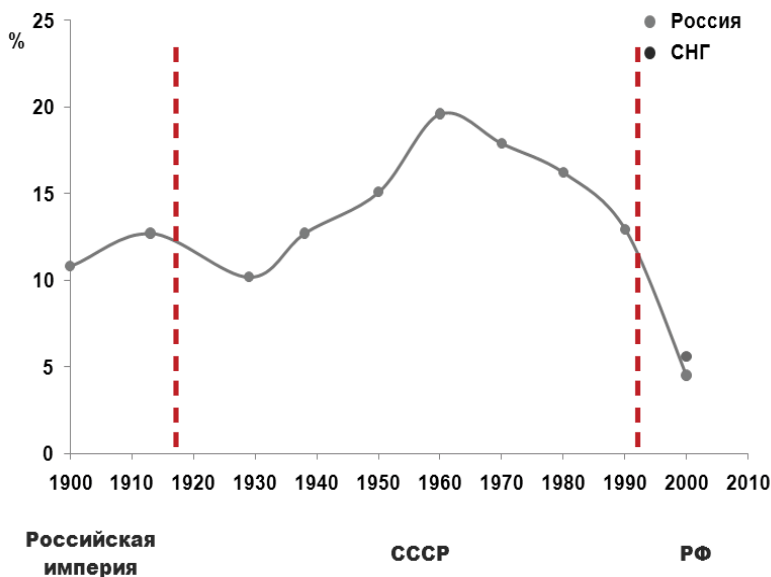
Запада на более высокие стандарты жизни. После выдвижения постиндустриального концепта инициируется активный процесс вывода реального промышленного производства в страны третьего мира. Это было необходимо не только с точки зрения рентабельности (дешевизна рабочей силы), но и в геоэкономическом смысле. Вывода индустрию в третий мир, Запад обеспечивал его новую экспортную привязку к метрополии.

Ещё одна скрытая сторона теории «постиндустриального общества» определялась контекстом «холодной войны». Советский Союз, как известно, сделал основную ставку на развитие индустриального сектора экономики. Индустриализация страны преподносилась в качестве главной экономической задачи. Теория постиндустриализма подсказывала совершенно иные стратегические ориентиры. Удивительным образом её вброс в мировое информационное пространство совпал с изменением траектории мировой исторической гонки между СССР и США. Советский Союз с начала индустриализационного рывка последовательно сокращал своё отставание от Соединённых Штатов по совокупным объёмам промышленного производства. К началу 1960-х гг. этот разрыв был минимальным. Сохранение существующих на тот момент трендов означало бы, что СССР обходил в течение десятилетия США. И тут – происходит нечто. Темпы промышленного роста в США резко возрастают, тогда как в СССР (РСФСР) происходит соответствующее торможение. На постсоветском этапе показатели роста промышленности в России и вовсе приобретают отрицательное значение. США, между тем, продолжают увеличивать обороты промышленного производства.

Случайны ли такие совпадения? Экономическая политика сегодня подразумевает не только целевое инвестирование собственной экономики, но и подрыв экономики конкурентов. Одним из приёмов в этой борьбе является дезинформация, выражающаяся, в частности, в подделке ложных стратегем развития. По-видимому, такой стратегической ловушкой и явился концепт постиндустриального общества.

Далеко не все страны, подобно России, попали под влияние постиндустриалистского концепта. Один из главных геоэкономических вызовов современности состоит в «атаке неоиндустриалов». Ряд прежде периферийных стран избрали своим ориентиром ту самую стратегию форсированного индустриального развития, на которую в свое время ориентировался СССР. Россия отказалась от неё в пользу приманки постиндустриализма, тогда как другие с успехом применяют её в мировой экономической гонке (рис. 5) [3; 6; 10; 12; 16; 20].

Рис. 5. Доля России в мировом промышленном производстве, в %

Деиндустриализация постсоветской России: посиндуриализм или деградация

Распад СССР хронологически чётко соотносится с процессом сервисной трансформации. Всё произошло в точном соответствии с рецептурой постиндустриального перехода. Доля занятых в сфере услуг резко возросла, тогда как в промышленности и строительстве — стремительно снизилась. Прослеживается при этом три различных по динамике изменения этапа. В позднесоветский период услуги, по аккумуляции экономически занятого населения, постепенно догоняют промышленность и в 1980-е гг. получают незначительный перевес. Трансформационный процесс на этом этапе шёл крайне медленно. Но уже тогда, впав в зависи-

мость от нефтяного экспорта, Советский Союз фактически отказался от необходимого для него нового индустриального рывка. На втором этапе – в 1990-е гг. процесс деиндустриализации экономики России приобрёл революционный характер. Это были, по-видимому, самые высокие за всю историю мировой экономики темпы сервисной трансформации. Деиндустриализационный пафос 1990-х выразился даже в незначительном повышении удельного веса в структуре занятости сельского и лесного хозяйства. Постиндустриализм удивительным образом трансформировался в России в экономическую и социальную архаизацию. На третьем этапе – в 2000-е гг. темпы сервисной трансформации несколько снизились, однако сам вектор деиндустриализации остался неизменным (рис. 6) [19].

По аналогии с «бешеными темпами коллективизации», применительно к 1990-м гг. уместно говорить о «бешеных темпах сервисизации» (рис. 7) [17]. Еще в 1990-м г. доля товаров в ВВП России почти вдвое превосходила долю услуг. Не прошло и двух лет, как всё принципиально изменилось. Уже в 1992 г. удельный вес услуг был выше. За два года доля товарного производства снизилась на 14,3 %. Новая максимизация до-

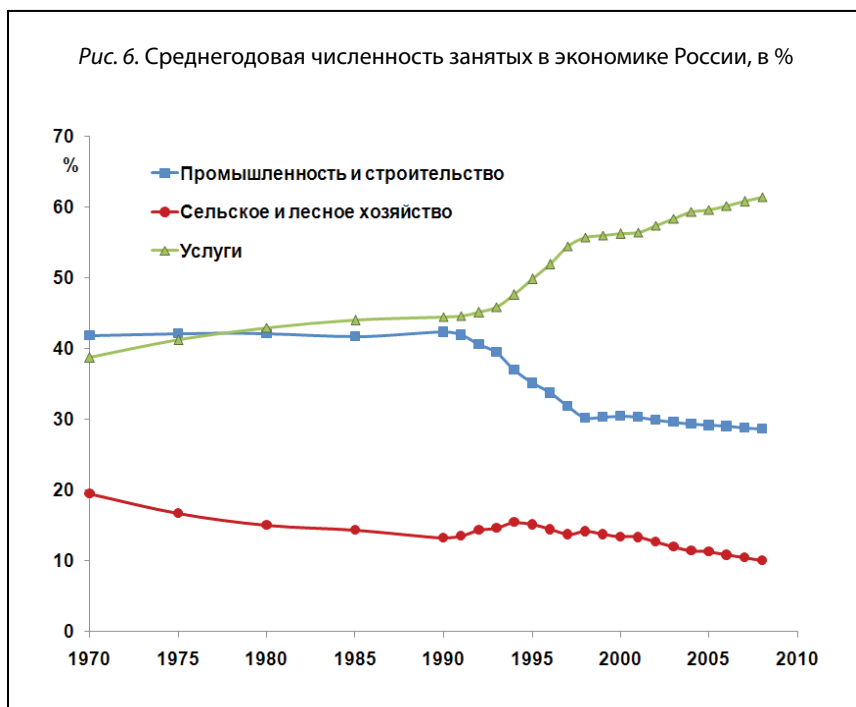
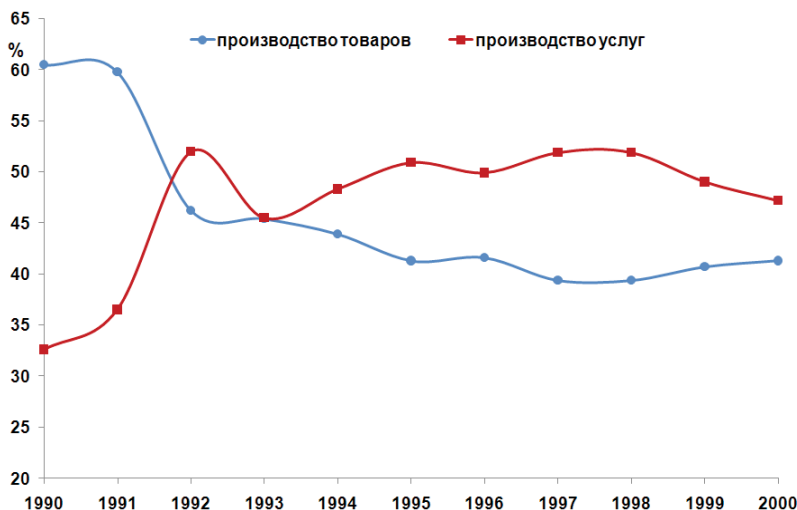

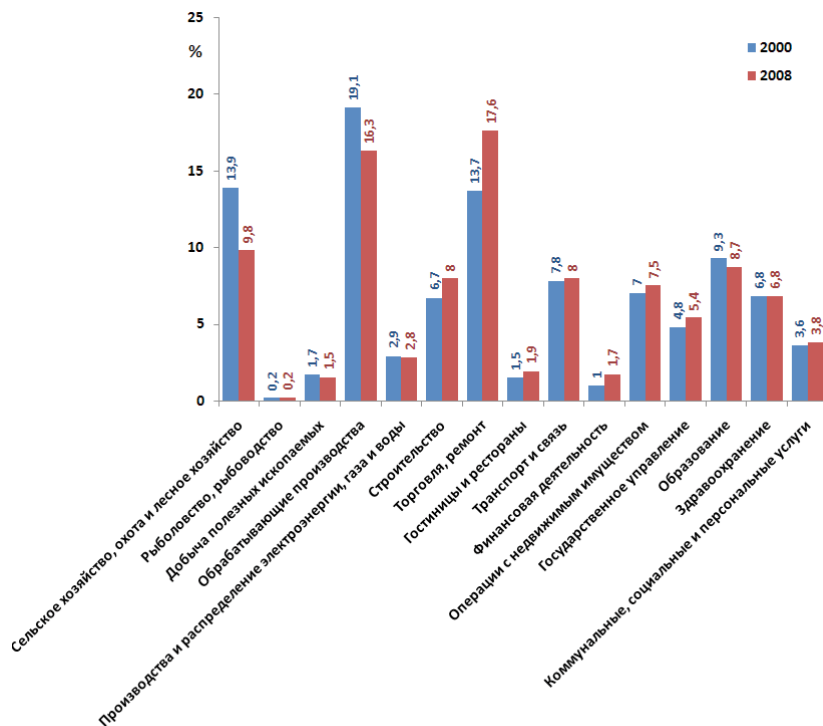
Рис. 7. Структура производства валового внутреннего продукта в России в период трансформации 1990-х гг., в %

левого значения сервиса приходится на 1998 г. — время дефолта. Случайно ли это? Развитие по постиндустриальным лекалам обернулось для страны системной катастрофой. Стоит ли в очередной раз наступать на те же грабли?

Показательны изменения, произошедшие в структуре занятости населения. Ещё в 2000 г. больше всего россиян было трудоустроено в сфере обрабатывающего производства, на второй позиции находилось сельское хозяйство. Теперь первую строчку занимает направление торговли и ремонт. По доле торговцев и ремонтников Россия превосходит сегодня любую из западных стран. Помимо обрабатывающего производства и сельского хозяйства, снизили своё долевое значение: добыча полезных ископаемых; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; образование. Наряду со статьёй торговли и ремонта, возрос удельный вес в структуре занятости: финансовой деятельности; операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг; строительства; гостиниц и ресторанов; транспорта и связи; государственного управления; предоставления коммунальных, социальных и персональ-

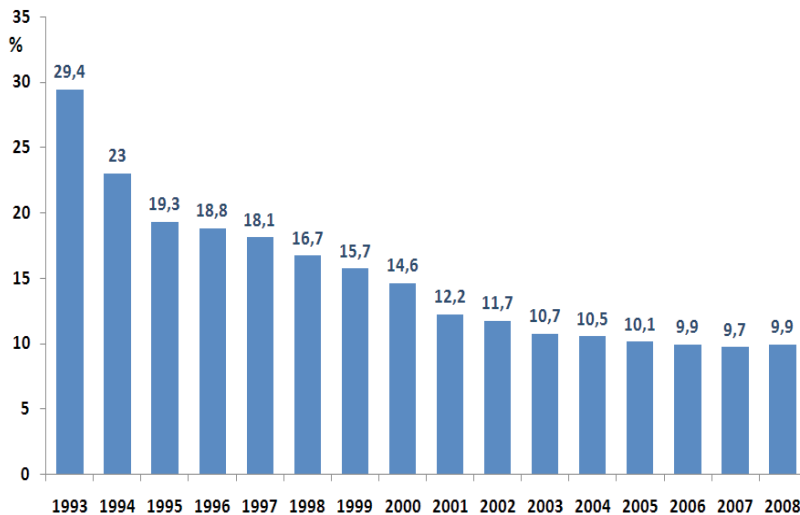
Рис. 8. Структура занятости в российской экономике, в % к совокупной занятости

ных услуг (рис. 8) [19]. Происходило, таким образом, за некоторыми исключениями, усиление позиции тех направлений, которые Л. Ляруш относит к сферам концентрации фиктивного капитала. Россияне стали больше торговать и заниматься финансовыми операциями, но при этом меньше работать над производством реальных товаров в промышленном и аграрном секторах [8; 23].

Повышение доли сервиса в ВВП и структуре занятости социума само по себе не означало развития отраслей услуг в абсолютных статистических показателях. Основной удар распад СССР нанёс по сектору промышленности. Но разрушение базового для экономики сектора повело к разрушению и других производных от него отраслей услуг. За ис-

Рис. 9. Бытовые услуги в структуре платных услуг населению в РФ, в %.

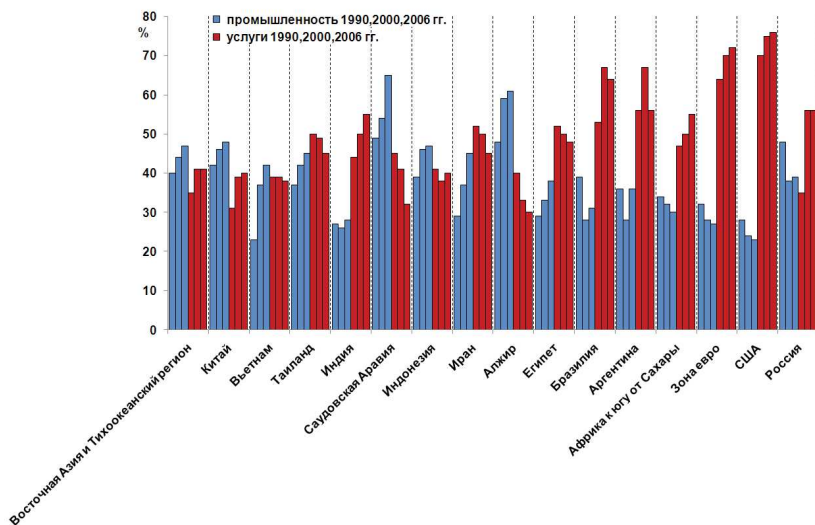

ключением одного – финансового направления. Вошедшее в обиход в постсоветский период достаточно широкое понятие «сервис» нивелировало более частную проблему бытового обслуживания населения. Результатом этой нивелировки явился парадокс разновекторной динамики указанных показателей. В то время как финансовые потоки в сфере сервиса неуклонно возрастали, бытовые услуги в общей структуре сервисной деятельности столь же устойчиво сокращались, (рис. 9) [18].

Мировой ориентир-неоиндустриализм

Концепт о постиндустриальном пути развития выстраивается на апелляции к универсальному мировому опыту. России предлагается идти по тому пути, по которому движется большинство государств мира. Предположим, действительно, что универсальная рецептура успешности существует. Но правильно ли отождествлять этот путь со стратегией постиндустриализма. Проведённый страновой анализ по критерию роста добавленной стоимости в сферах промышленности и услуг позволяет утверждать о неоиндустриальном векторе развития современного мира. В большинстве

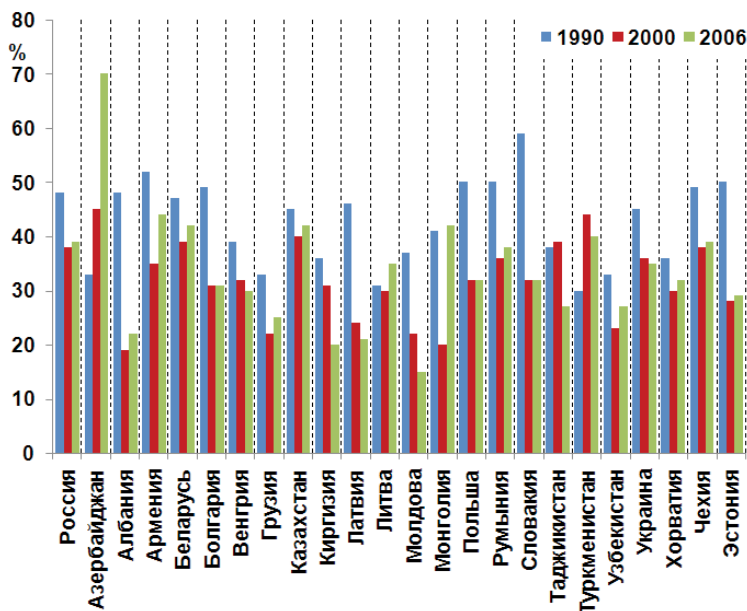
Рис. 10. Добавленная стоимость в сферах промышленности и услуг по регионам мира, % ВВП

наиболее динамично развивающихся экономик чётко фиксируется тенденция роста добавленной стоимости в секторе индустрии и снижения (или стагнации) в секторе услуг (рис. 10) [22]. Вектор уменьшения в сфере промышленности имеет вполне определённую геоэкономическую локализацию. Наличие его обнаруживается только по трём категориям стран: 1. Золотомиллиардный Запад, 2. Тропическая и Экваториальная Африка, 3. Россия. К западной или африканской модели ближе по своей природе российский случай деиндустриализации? Ответ очевиден.

О том, что «бешеная сервисизация» являлась тривиальной деградацией экономики, свидетельствует наметившаяся по ряду постсоветских республик тенденция «промышленного отката». Как только экономическое падение прекратилось, перейдя в фазу роста, доля добавленной стоимости сектора промышленности в ВВП соответствующих государств начала постепенно возрастать. Чем увереннее восстанавливала свои позиции сфера индустриального производства, тем выше оказывался рост экономики. Напротив, там, где траектория упадка не была остановлена, происходило дальнейшее сокращение значимости сектора промышленности (среди них – Молдова, Киргизия, Таджикистан).

Рис. 11. Добавленная стоимость в сферах промышленности в экономике постсоветских государств, % ВВП

Следовательно, деиндустриализация 1990-х гг. являлась не переходом к новому постиндустриальному укладу, а разрушением связанных преимущественно с индустриальным сектором базовых потенциалов постсоветских экономик (рис. 11) [22].

Модель периферийного капитализма и постиндустриальная анклавизация в России

Принципы функционирования современной России всецело и чётко описываются довольно известным историческим феноменом – периферийным капитализмом. Для проверки данного утверждения были взяты признаки, которые присутствуют во всех учебниках при описании стран данного типа. Далее оценивалась степень их примени-

мости к современному российскому государству.

Какие это признаки?

Во-первых, основные инфраструктуры развитости периферии связаны с территориями, находящимися во внешнем мире. Применительно к России эта инфраструктура очевидна – нефтегазовый комплекс. Остальная территория при такой модели находится в архаизированном состоянии. Но это никого не беспокоит: будучи ненужной метрополии, она не развивается, а иногда и деградирует.

В постсоветский период произошла переориентация России от собственных экономических запросов на обслуживание внешнего потребления. Сегодня доля торговли в ВВП страны составляет более трети от его общего объёма. Достаточно сравнить с Соединёнными Штатами Америки, где удельный вес экспорта в валовом внутреннем продукте – лишь 11 %. Примерно столько же было в СССР – в районе 10 %. Сейчас же многие российские регионы активнее ведут торговлю с иностранными государствами, а не внутри страны. Они, таким образом, оказываются ориентированы в большей степени не на Россию, а на внешний мир.

Второй признак периферийности – это моноспециализированность. Экономическая устойчивость страны связана с наличием широкого спектра отраслей. Главным соображением здесь выступает принцип национальной безопасности. В колониях – по-другому. Там получают развитие одна, максимум две отрасли, наиболее рентабельные с точки зрения взаимодействия с центром. И снова эти отрасли применительно к российскому случаю достаточно хорошо известны. Дискурс о путях модернизации России идёт в рамках периферийной парадигмы. Суть номинируемых предложений сводится к следующему: отказ от модели экспортной республики и обеспечение мира (т. е. Запада) сельскохозяйственной продукцией. Другие ставят вопрос иначе, предлагая торговать оружием и в этих целях развивать ОПК. Но периферийная парадигма при этих вариантах остаётся неизменной. Для её смены необходима принципиально иная постановка вопроса – ориентировка не на внешний мир метрополий, а на внутренние потребности и проистекающие из них собственные задачи развития.

Третий признак периферийного устройства – социальная анклавазация. В странах периферии существуют, как правило, территориальные анклавы благоденствия, диссонирующие по своей развитости с остальной страной. Эти анклавы связаны с элитой, включённой в международную элитарную сеть. Такой территориальный анклав носительного благоденствия в России хорошо известен – это Москва.

Москва – остальная Россия – типично колониальная ситуация регионального раскола.

В самих регионах есть такие же анклавности развитости на фоне общей люмпенизированной пустыни провинции. Как Москва связана с центром – западным миром, так они связаны с Москвой. Их относительное благоденствие определяется включённостью в низовые структуры столичного капитала. Реализована типичная схема, характерная для центр-периферийного устройства.

Следующий признак колониальной системы – выстраивание модели управления по принципу «разделяй и властвуй». Этнические группировки и этноплеменные структуры поддерживаются по отношению друг к другу в состоянии перманентного конфликтного напряжения. И такая система постоянно находится в риске взорваться. Сохранение в России модели федералистского национально-территориального устройства даёт широкие возможности для проведения колониальной политики. Имеется механизм провоцирования этнических конфликтов едва ли не по всей территории Российской Федерации. Например, Северокавказский федеральный округ – чем не структура для отделения Кавказа от России?

Сопутствующим признаком периферийной модели определяется также наличие криминальных анклавов. Достаточно вспомнить Китай в периоды опиумных войн: торговля оружием, наркотиками, людьми. Попытки местных властей по проведению декриминализации приводят к жесткому ответу со стороны метрополии, имеющей свой интерес в криминальных потоках. Такого рода криминализованные территории в Российской Федерации тоже хорошо известны.

Таким образом, случайно или нет, все основные признаки территориального развития современной России точно совпадают с описанием центр-периферийной модели функционирования.

Постиндустриализм в России стал прикрытием политики анклавизации. Москва сегодня не просто сервисная столица страны. По аналогии с природой международного отраслевого разделения, сверхконцентрация услуг в Москве является оборотной стороной финансовой «обескровленности» провинции (рис. 12). При 7,4 % проживающего в столице российского населения, она потребляет по отдельным видам сервиса более 40 % общего объёма платных услуг (услуги культуры и услуги правового характера). Причём доля потребления Москвы, по сравнению с уровнем 1990-х гг., возросла фактически по всем (за единственным исключением) сервисным номинациям (рис. 13) [14; 19].

Рис. 12. Объём платных услуг населению в РФ по субъектам Федерации

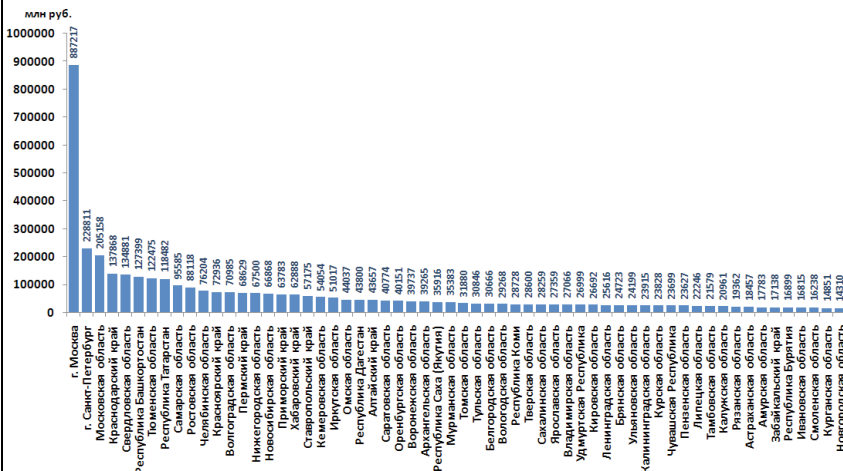
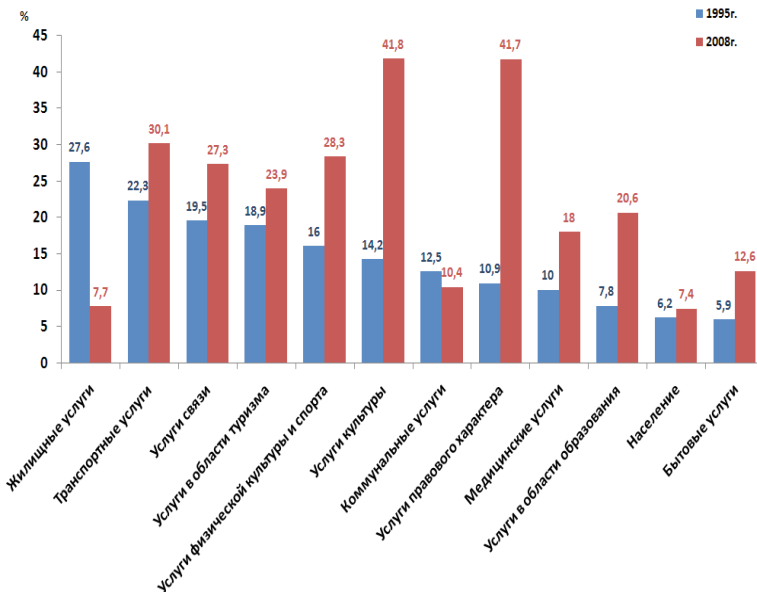

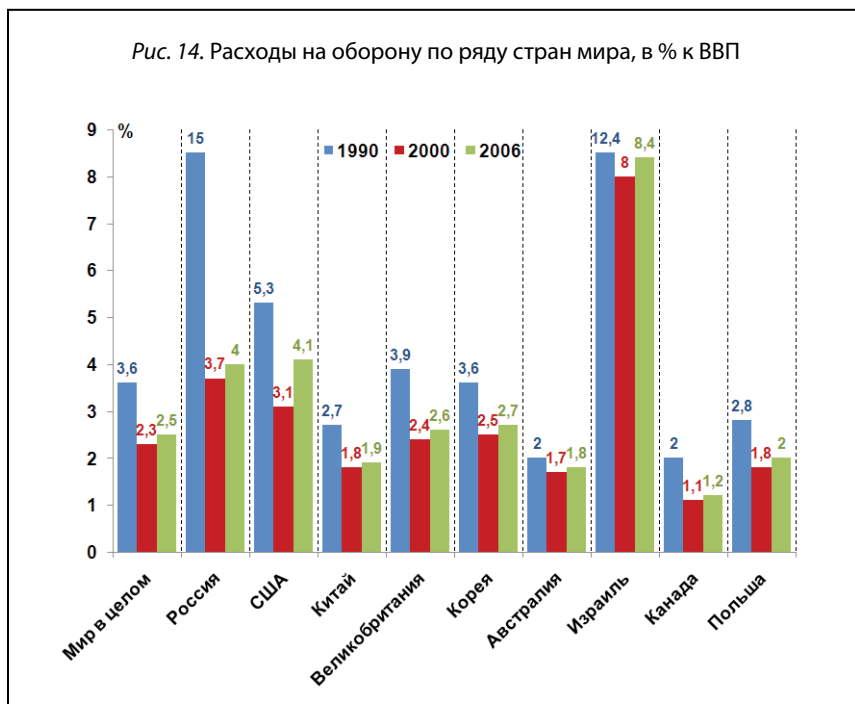
Рис. 13. Доля Москвы в платных услугах населению в РФ, в %

Постиндустриализм и национальная безопасность

Принятие постиндустриального концепта развития содержит прямые угрозы для национальной безопасности. Основу ВПК во всех странах составляет, как известно, индустриальное производство. Развитие сервисных отраслей, таких, как, к примеру, связь, производно от этого базиса. Государственная власть должна отдавать себе отчёт в том, что деиндустриализация объективно ведёт и к свертыванию сферы вооружения. Напротив, при росте промышленного производства растёт соответствующими высокими темпами производство военной техники. Не случайно война рассматривалась традиционно как лучший способ выхода из кризиса. Перспектива масштабного военного конфликта диктовала необходимость перенаправить финансовые ресурсы в сферу военной промышленности. Она же тянула за собой и иные отрасли индустриального производства. Запуск промышленности означал применительно к социальной сфере минимизацию безработицы. Кризисное состояние экономики в результате оказывалось преодолено [21].

Рис. 14. Расходы на оборону по ряду стран мира, в % к ВВП

В 1990-е гг. в большинстве стран мира наблюдалось сокращение расходов на оборону в процентах к ВВП. Вероятно, сказывался эффект окончания «холодной войны». Одновременно вновь актуализировалась тема постиндустриального перехода. Но всё это уже в прошлом. Сегодня вновь по наиболее значимым геополитическим субъектам мира (за исключением тех, которые находятся под военной защитой других держав) фиксируется рост удельного веса расходов на оборонные нужды (рис. 14) [22]. Мир интенсивно вооружается. К чему он готовится? Грянувший в 2008 г. финансовый кризис, по аналогии с прежними кризисными периодами, катализировал дискурс о перспективах новой глобальной войны. Принятие постиндустриалистского концепта в этих условиях недальновидно.

Фантом «экономики знаний»

А как же, может возникнуть вопрос, когнитивная экономика, общество знаний? Такого типа экономики и общества – один из идеомифов постиндустриалистской теории. Действительно, никто ведь не будет выступать против повышения роли знаний. Звучат призывы жить не торговлей нефти, а за счёт продажи знаний. Но производить одни лишь знания нецелесообразно. В ведущих странах Запада внутренние расходы на исследования и разработки не достигают и 3 % от ВВП. Бесспорно, больше, чем в России, но для характеристики соответствующих хозяйственных систем в качестве экономики знания явно недостаточно. К тому же за 2000-е гг. эта доля в западных странах фактически повсеместно снизилась. Повышение её произошло в неоиндустриальных странах Востока. Но в данном случае важно, что принципиального скачка к когнитивной экономике в мире не обнаруживается (рис. 15) [7].

Жить за счёт экспорта знаний – опасная иллюзия. В мировом экспорте, так же как и в экспорте номинированных стран-постиндустриалов, доля интеллектуального продукта минимальна. По-прежнему промышленные товары имеют в мировой торговле однозначную доминацию (рис. 16; 17; 18) [9].

Но отметим, что Запад убедительно лидирует по доле продаваемого высокотехнологического товара. Но это преобладание сложилось не сегодня, и удельный вес соответствующего компонента в торговой структуре остается неизменным. Более того, фактически по всем западным странам за период 2000-х гг. этот показатель даже снизился (рис. 19) [7]. Какой уж тут постиндустриальный переход?!

Рис. 15. Внутренние расходы на исследования и разработки
(в процентах к ВВП), %

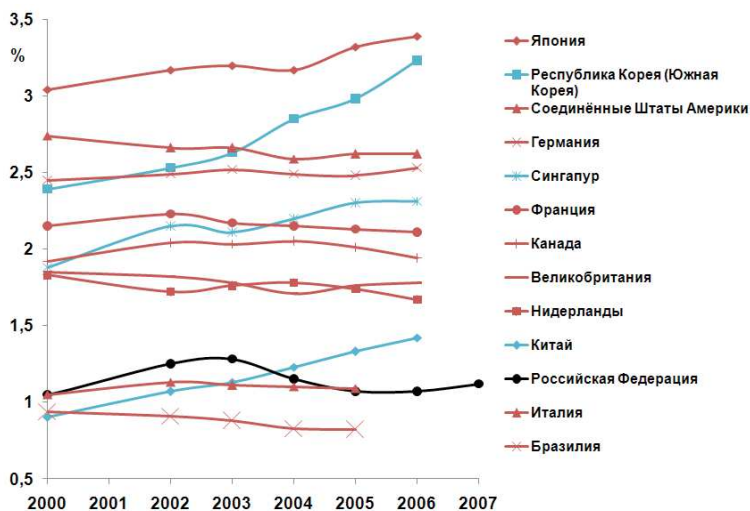

Рис. 16. Основные статьи мирового экспорта, в %

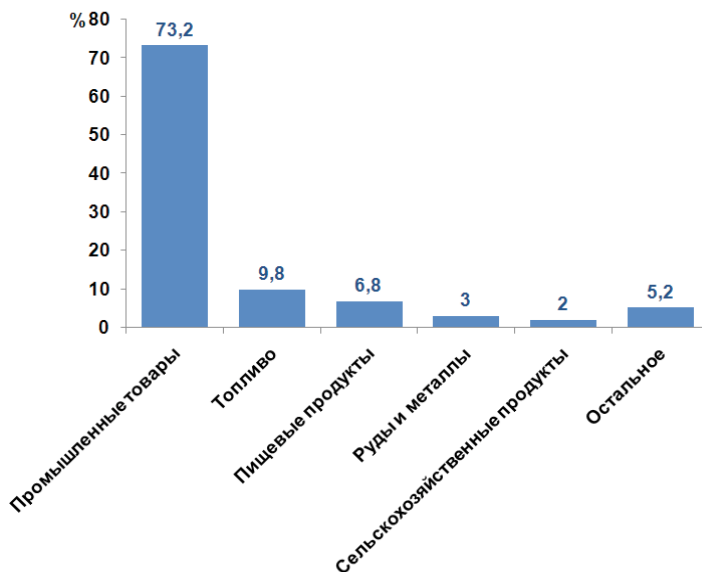

Рис. 17. Основные статьи экспорта стран еврозоны, в %

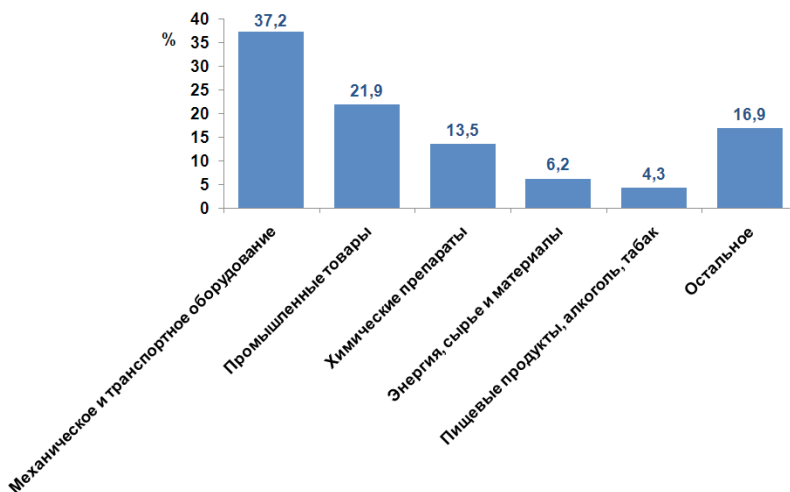

Рис. 18. Основные статьи экспорта в США, в %

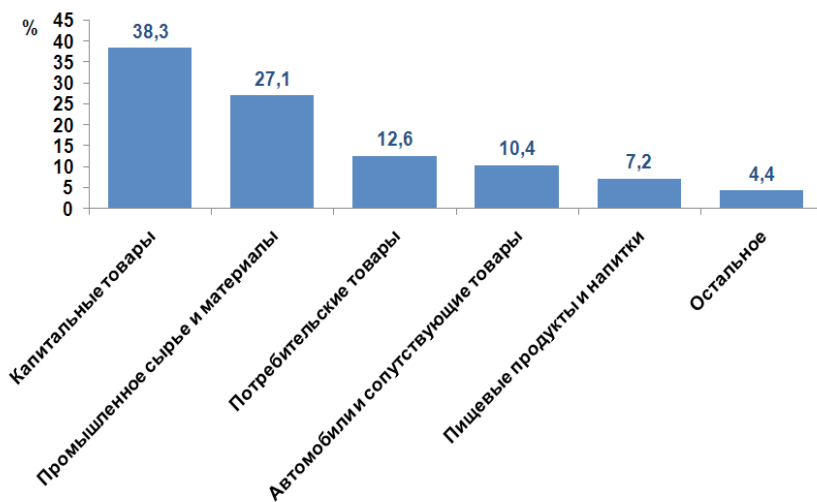
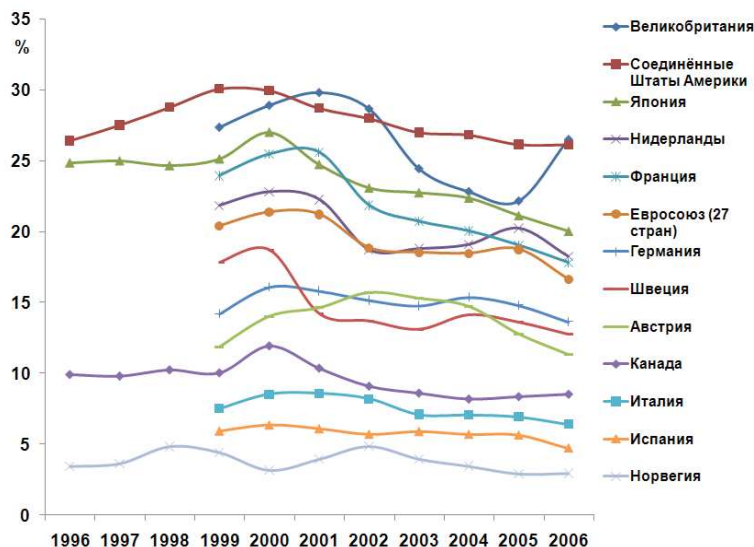

Рис. 19. Доля высокотехнологичных товаров в экспорте по странам мира, %

Возникновение иллюзий о вступлении в постиндустриальную фазу развития явилось следствием аберрацией близостью. Стремительность изменения жизни человека под влиянием научно-технических инноваций (мобильные телефоны, Интернет), создаёт впечатление о наступлении принципиально нового периода в человеческой истории. Однако обращение к научной и публицистической литературе прошлого позволяет утверждать, что такого рода ожидания не являются чем-то существенно новым в развитии общественной мысли. Наступление эры знаний провозглашалось и в шестидесятые, и в двадцатые годы ушедшего столетия. В 60-70 гг. XIX в. материалистически ориентированная часть российской интеллигенции также провозглашала начало принципиально новой эпохи, в которой сознание человека освобождалось от пут идеалистической метафизики. Лейтмотивом эпохи Просвещения, в соответствии с указанным логотипом, являлось противопоставление наступающей эры разума и религиозного мракобесия.

Экономика во все времена определялась парадигмой знаний. В

конкурентной борьбе неизменно выигрывал тот, кто предлагал технически и технологически более совершенный продукт. Создание же такого продукта предполагало определённый познавательный приоритет. Не будет преувеличением сказать, что императивом экономики знаний определялась ещё неолитическая революция. В этой связи противопоставление современной эпохи предшествующим фазам человеческого развития, как отрицание исторического опыта в качестве основы для её понимания, представляется контрпродуктивным.

Проведённый анализ позволяет квалифицировать теорию постиндустриального общества не просто как ошибочную научную гипотезу. Содержательно это продукт совершенно другого свойства. Постиндустриальный концепт разрабатывался на Западе как стратегическая ловушка. Предполагаемой её жертвой являлась Россия.

Литература:

1. Аникин А.В., Энтов Р.М. Механизм экономического цикла в США. – М., 1978.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1999.
3. Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 9.
4. Государство в меняющемся мире. Отчёт о мировом развитии. 1997. Всемирный банк. – М., 1997.
5. Гринин Л.Е. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъёмов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. – М., 2010.
6. Динамика российской и советской промышленности. – М., 1929.
7. Индекс экономической свободы. Свобода бизнеса – сравнение стран [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statinfo.biz/Geomap.aspx?region=154&st=8943&lang=1> (дата обращения: 18.03.2013).
8. Ларуш Л. Физическая экономика. – М., 1997.
9. Мир в цифрах 2009. Карманный справочник. – М.: ЗАО «Олимп–Бизнес», 2009.
10. Мировая экономика: прогноз до 2020 года / под ред. А.А. Дынкина. – М., 2007.
11. Мировой опыт государственно-церковных отношений. – М., 1998.
12. Народное хозяйство СССР за 70 лет. – М., 1987.
13. Перская В.В. Глобализация и государство. – М., 2005.
14. Платное обслуживание населения в России. 2009: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009.
15. Проблемы современного государственного управления в России // Труды научного семинара. – Выпуск 3. – Научный эксперт. – М., 2006.
16. Промышленность России: статистический сборник. – М., 2000.
17. Российский статистический ежегодник. 2001. Статистический сборник. – М., 2001.

18. Российский статистический ежегодник. 2008: Статистический сборник. – М., 2008.
19. Российский статистический ежегодник. 2009: Статистический сборник. – М., 2009.
20. *Симчера В.М.* Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000 гг. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. – М., 2006.
21. *Стариков Н.* Спасение доллара – война. – СПб., 2010.
22. Страны и регионы 2008. Статистический справочник Всемирного банка. – М., 2009.
23. *Тукмаков Д.* Уподобление Богу (Физическая экономика Ларуша как преодоление энтропии) [Электронный ресурс]. URL: www.zavtra.ru. (дата обращения: 18.03.2013).
24. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. – М., 2006.
25. *Bell D.* The cultural contradictions of capitalism. – N.Y., 1976;
26. *Bell D.* The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. – N.Y., 1965;
27. *Mitchell B.R.* International Historical Statistics: Europe, 1750-2000. – New York, 2003.